

С. МАКАРОВ, В. СТАНЮКОВ

м. 3507

43-82

Крылатый мститель

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЧАССР
Чебоксары — 1943

Герой Советского Союза капитан Ф. Орлов.

1. Детство

С горечью вспоминает о своем детстве Федот Никитич Орлов. Я родился, рассказывает он о себе, в 1913 году в деревне Малые Ямаши, Советского района. Сын самого бедного крестьянина. Отца не помню, он умер, когда я был еще малышом. Вскоре умерла и мать. Сирота. Рос без родительской согревающей ласки. Мне и сейчас хорошо памятни годы нищенства и пастушества. Голод заставил меня надеть холщевую сумку и отправиться собирать подаяния. Все окрестные деревни — горные Чиганары, лесные Кумашки, полевые Большие Вылы, овражные Нижние Сунары, луговые Олух-Шуматово я обошел с нищенской сумой. Не было избы, у порога которой не стоял бы я с протянутой рукой. Не легко мне приходилось. Ни от кого не слышал я приветливого слова. Кто добрее, мою высухшую от голода ладонь иногда согревал горячей картофельиной или куском хлеба; хозяева с черствой душой, заметив мою худую тень у своего окна, с шумом закрывали его.

Еще унижительнее встречали черноволосого парнишку в богатых домах. При появлении его,

ободранного и жалкого, раздавалась ругань, вместо корки хлеба, из окон летели осколки кирпича, а то спускали на него с цепи злых, остервенелых собак, и он отбивался от них чем только мог.

Летом Федюк, как его звали в деревне, ходил с длинным пастушьим кнутом. Едва первый луч солнца касался вершины серебристой березы, стоящей у околицы, как утреннюю тишину будила задумчивая нежная свирель. Трудно было выспаться за короткую летнюю ночь. Тяжело было начинать маятный и напряженный день пастуха. Веки словно наливались свинцом и разомкнуть их было нельзя без большого усилия. Но надо было жить, и Федюк поспешно вскакивал на ноги и гнал коров по студеной утренней траве. От холодной матовой росы ломило босые ноги. Все тело пробирала дрожь. И так от весенней сырости, когда яркая зелень покрывала теплую, дымящуюся землю, до поздней осени с тоскливым, пронизывающим ветром и ледяными дождями.

Мальчик горячо любил природу. Он собирал цветы. Слушал песни птиц, любовался цветистой радугой, расписной дугой встававшей над деревней. Когда стадо попадало на сочную, вкусную траву и топталось на месте, можно было не особенно тщательно следить за коровами. Тогда пастушонок, над губами которого не пробивался еще пушок, ложился на пахнущую медом землю, раскидывал в стороны руки и долго глядел на далекое синее небо, где свободно парил коршун.

Ширский, плавный полет этой большой, непонятной птицы рождал в юном сердце романтические мечты. Мальчику в эти минуты хотелось подняться над землей, стать таким же свободным, как жоршун, и улететь в неведомую сказочную, чудесную страну.

Сверстники Федюка уже ходили в школу. Советская власть заботилась о том, чтобы грамотных в селе было как можно больше. Попал в школу и Орлов. Тут его захлестнула бодрая, умная, пытливая пионерская среда. И красный галстук украсил шею мальчика, хотя религиозный брат никак не мог примириться с этим и не раз больно бил его.

Но Федюк был «неисправим». Он ходил на пионерские сборы. Читал интересные книжки. Жадно слушал рассказы учителя. Любознательность развивалась в нем год от году. Смелый, дерзкий, настойчивый, он стал вожаком деревенских ребятшек. Всякие начинания шли от него. Раз Федюк предложил соорудить движущуюся ветряную мельницу. Сказано—сделано. Дети склеили большие крылья, выпилили шестерню, устроили ось. Крылья вертелись, но мельница не работала. «Расчеты сделали неверные». Когда вдоль деревни дул упругий летний ветер, пускались воздушные змеи. И всегда самым красивым и самым лучшим змеем оказывался змей Орлова. Он взлетал высоко-высоко, под самые облака и, казалось, готов был унести с собою шустрого мальчугана.

Еще в раннем детстве мальчика глубоко заинтересовал вопрос — как летают птицы, почему так свободно парит в воздухе ястреб. Эти вопросы он не раз задавал учителям. Он читал книжку «Крылья холопа». Делал вместе с пионерами модели самолетов. Однажды Федюк играл в лапту. Небо было чистое и голубое. Но где-то вдали послышался загадочный гул. Все повернули головы на шум. Гул стал сильнее. Наконец все заметили: высоко по прямой шла какая-то темная крестообразная птица и шумно гудела.

— Аэроплан! — крикнул, догадавшись, Федюк и следил до тех пор, пока чудесная машина не скрылась за дымчатым горизонтом.

Зимой мальчик учился, летом пас стадо. Незаметно пробежали четыре года. Как лучшего ученика его направляют в Аликовскую школу крестьянской молодежи. Сирота не остался вне отеческой заботы советского государства. Федюк получал бесплатное питание, его одевали и обували.

2. На пути к заветной цели

Советская школа любовно воспитывала будущего сталинского сокола. Один из памятных дней его жизни — вступление в комсомол. Умный, серьезный, начитанный, он скоро завоевывает большой авторитет среди учащихся и становится секретарем комсомольской ячейки. Как и всегда, инициатива и почин исходили от него. В школе забурила комсомольская жизнь. Ком-

сомольцы ходили по деревням, разъясняли решения партии и правительства, доказывали крестьянам выгоду коллективного труда, агитировали за колхозы.

Тут началась вербовка в школы фабрично-заводского ученичества. Вызывали в райком партии. Спросили:

— Хочешь в город, на фабрику?

— Хочу, — не задумываясь, ответил юноша.

В годы пребывания в школе крестьянской молодежи его не покидала мысль увидеть настоящих летчиков, научиться летать самому. И ему казалось, что в Горьком, куда его направляли, эта мечта может скорее осуществиться.

И Федюк попал в большой город. Правда, школа фабрично-заводского ученичества находилась при мыловаренном заводе. Производство мыла его мало интересовало. Но зато в свободное от учебы и работы время он мог вдоволь сидеть на заборах и наблюдать за тем, как самолеты чертили вечернее небо. Большое удовлетворение доставляли кинокартины, в которых показывалась боевая жизнь и учеба летчиков. На эти картины фабзавучник обычно ходил по нескольку раз.

Осоавиахимовская организация завода решила создать планерный кружок. Почин осоавиахимовцев был встречен горячо. Желающих стать планеристами было много. И самым активным кружковцем явился, конечно, Федот Орлов. В выходные дни, в летние задумчивые вечера его всегда

можно было видеть копошащимся у планера. Его любимыми книгами стали книги о планерном спорте. Огромное желание, упорство и настойчивость сделали из Орлова замечательного планериста. Он свободно летал на этой безмоторной машине, которая тяжело, как утка, садилась на сочный травостой.

Отличные успехи планериста были замечены крайкомом комсомола. Ему вручили путевку в Ейскую летную школу.

Федот Орлов прыгал от восторга. Вот оно, счастье, бери его своими руками. Сын бедняка-чуваша, в недавнем прошлом пастух, с первой зсрькой выгонявший стада в долины, станет сталинским соколом, орлом, капитаном воздушных морей.

Но радоваться, оказывается, было рано. Приехал в школу, узнал, что набор на летное отделение уже закончен. Орлов не раз ходил к начальнику школы, упрашивал, молил.

— Не могу, все места заполнены, — неизменно отвечал тот. — Вот если хотите, пожалуйста, учитесь на техника...

— Как быть? — думал про себя Федот, — обратно придешь — ребята смеяться будут, да и вряд ли попадешь опять в школу...

— Ладно, остаюсь! — сказал он твердо.

Началась напряженная учеба на техническом отделении. Но и тут не повезло. Проучились несколько месяцев, а потом курсанты были пос-

ланы на подготовку и проведение первой большевистской весны второй пятилетки.

Федот Орлов попал в совхоз «Белая глина». Он работал инструктором-механиком. Попутно овладел вождением автомашин, изучил в совершенстве трактор. Совхоз был большой, и дела хватало на круглые сутки.

Поработали на славу. Сев был проведен успешно. Совхоз получил переходящее красное знамя.

Шла пышная южная весна. Зелеными штыками щетинились озимя. Цвели незнакомые пахучие травы. День напролет висела над головой серебряная песня жаворонка.

И снова потянуло в воздух.

— Хочу летать, — писал он в заявлении начальнику школы. — Примите хотя бы ангарным рабочим, но чтобы самолет всегда был передо мной...

Хороший отзыв о работе в совхозе помог вернуться в школу. Но не на летное и не на техническое отделение.

— Будете охранять самолеты! — сказал начальник школы.

— Есть охранять самолеты!

Веселого мало в том, что стоишь на посту у стальных птиц. Не такой характер у Федота. Ему бы взнуздать эту машину, нырять в облака, обгонять ветер. И он невольно заговаривал с летчиками, расспрашивал, показывал свои знания по техническому обслуживанию самолетов.

Скоро этого черноволосого широкоскулого парня перевели в мотористы. Это было более живое дело. Катаешь бочки с горючим, сопровождаешь по аэродрому самолеты, гоняешь в ангаре воробьев, чтобы не пачкали машины.

Счастье горело в больших карих глазах.

Незабываемые минуты бывали, конечно, в начале летного дня. Первый утренний полет инструктор делает вместе с техником или мотористом. Над морем еще клубится легкий туман. Снуют рыбацьи шаланды. И навстречу утру пилот поднимает машину. Федот Орлов глядит на широкую спину летчика и думает:

— Бог!

3. „Я—летчик“

Неуемная страсть к авиации привела, наконец, парня из Чувашии на курсы летчиков. Исполнилось самое заветное желание. Теперь все зависело от него самого, от его упорства и настойчивости, от его трудолюбия. Эти качества ему не занимать.

Город, в котором находились курсы, стоял на берегу моря. По вечерам на живописных приморских бульварах играла музыка, устраивались танцы, в море молодежь каталась на яликах. Манили к себе театры и парки, соленые ветра моря. Многие товарищи по учебе в выходной день или после занятий уходили к морю и про-

водили свободное время в кругу красивых и смуглых городских девушек.

Федоту было немногим больше двадцати лет. В нем билось молодое горячее сердце. Ему тоже хотелось порой бросить все, пойти к синей широкой волне, к девушкам.

Но он строго распланировал свое время. Силой воли он заставлял себя много и подолгу сидеть над учебниками, читать самую разнообразную литературу по проходимым темам. В выходные дни он систематически тренировался в специальных кабинах.

Все это скоро дало превосходные результаты. Курсанты обычно вылетали в самостоятельный подъем после того, как ими было сделано несколько десятков вылетов с инструктором. Федоту Орлову разрешили лететь самостоятельно после шестнадцатого полета.

— Этот день я не забуду никогда в жизни, — рассказывает тов. Орлов. — Помню, приносят мешок с песком. Кладут его в кабину инструктора. «Лети сам» — говорит инструктор. Холодок прошел по спине. Черт его знает, первый раз в воздух один поднимаюсь. Вырулил. Попросил старт. Дал газ. Машина побежала по травянистому аэродрому. Легко отрываю самолет от земли! Смотрю и себе не верю: один, один и никого больше. Радостный крик вырвался из груди: «Я — летчик!» Два круга сделал над аэродромом и посадил машину. Товарищи подбежали ко мне и горячо поздравляли с воздушным крещением.

Скоро надо было сдавать экзамен по высшему пилотажу. Орлов свободно поднял машину в воздух и закружился в вихре самых различных фигур. Бочки, иммельманы, перевороты через крыло, мертвые петли. Самолет повиновался каждому желанию молодого пилота.

Когда машина приземлилась, представитель округа, присутствовавший на экзамене, сказал:

— Вы летаете отлично, но слишком смело.

Откуда-то появился фотограф, и Орлова засняли под развернутым красным знаменем школы. За отличные успехи командование Военно-воздушных сил наградило его именными часами.

4. Бомбы летят на головы фашистов

Дальше события разворачиваются стремительными темпами. Федот Никитич управляет самолетом-разведчиком. Затем переходит на тяжелую боевую машину. Не раз участвовал в маневрах и тактических учениях совместно с Черноморским флотом. Летал на продолжительность полета без посадки.

Однажды пробыл в воздухе восемнадцать часов. От Ростова-на-Дону взял курс на Москву. Прилетел. Но полигон был закрыт, а задание — «отбомбиться». Долго кружился над лесом. Наконец, сбросил бомбовой груз на полигон и снова в Ростов. Как выдающийся летчик, он не раз водил флагманский корабль, на котором находился командир бригады.

Это был период становления молодого летчика.

Свершенствувалась боевая выучка. Крепла рука. Зорче становился взгляд, верней — расчет. Без этих качеств нельзя было и думать о победе над врагом.

А в воздухе уже пахло грозой. Приближалось огненное дыхание войны. Черные гитлеровские полчища напали на Польшу. Мудрое советское правительство решило избавиться от фашистского сапога кровных братьев и сестер — западных украинцев и белоруссов. В этой освободительной борьбе принял участие и Федот Никитич Орлов. Потом он летал над заснеженными финскими лесами и болотами, сеял смерть и ужас среди врагов. Но это были короткие эпизоды.

Суровым испытанием его воли, мужества и бесстрашия явилась нынешняя смертельная битва советского народа с немецко-фашистскими захватчиками.

Все произошло неожиданно. Жил под Смоленском. В лесу. Учился. Работал. Учил других. Стволами дальнобойных орудий поднимались к небу медные сосны. Пахло грибами, еловыми шишками. Бегали полинявшие зайцы. В озерах водилась дичь. Как обычно, накануне выходного дня Федот Никитич пошел на охоту. Вечер выпал неудачный. Небо заволокло тучами. Полил дождь. Сумка охотника была пуста.

Вымокший пришел домой. Переоделся. Поспешил в клуб. Спектакль «За океаном» уже начался. Все с большим удовольствием следили за игрой артистов. Этому чувству поддался и Орлов;

Спектакль кончился поздно. Утомленный, но в хорошем настроении пришел он домой. Только заснул здоровым, крепким сном—завыла сирена. «Чего там выдумали, — подумал спросонок Федот Никитич, — дождь льет, а тут учебную тревогу вздумали проводить». Но сирена выла необычно.

— Боевая тревога!

У каждого летчика всегда под кроватью так называемый «тревожный чемодан». В нем и полотенце, и мыло, и зубная щетка с порошком, бритва, кружка — все необходимое. Торопливо схватил его и на аэродром.

К мощным машинам подвешивались мощные бомбы. Устанавливались пулеметы. Опробовались моторы.

Командир полка открыл короткий митинг.

— Пришло время каждому показать себя в сражениях за родину. Долго мы учились, теперь бой...

Одна за другой с ревом поднимаются в воздух тяжелые стальные птицы. Курс — на запад.

Сверху видно, как туда же спешат войска, мчатся эшелоны. Советский народ посылает против немецко-фашистских захватчиков, по-разбойничьи ворвавшихся в наш мирный дом, своих лучших сынов.

Передовой аэродром. Посадка. Орлов ждет приказаний. День тянется нудно. Хочется скорее в бой, опустить на головы фашистов чугунные гостинцы.

Но вот приходит ночь, а с ней задание: разбомбить мотомеханизированную колонну врага.

Ночь летняя — короткая и ясная. Сразу вышел на цель. Вниз полетел смертоносный груз, начиненный взрывчатым веществом и испепеляющей ненавистью к врагу. Когда не осталось ни одной бомбы, Федот Никитич низко спустился, и стрелок-радист Бутенко нажал на все гашетки, обрушив на гитлеровцев ливень пуль.

Так вступил в отечественную войну наш знатный земляк.

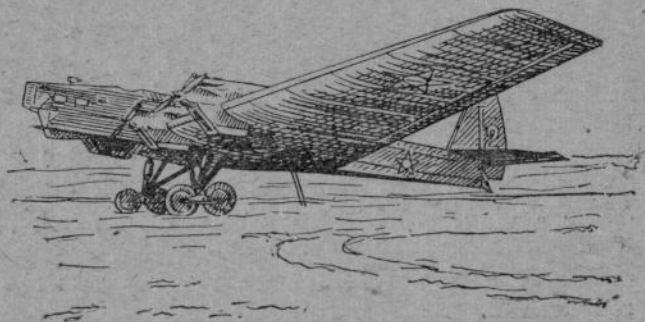
5. На машине Гастелло

Огромный корабль стоит на летной площадке. На его стабилизаторе голубой краской выведена цифра «2». Летчики и техники любовно прозвали ее «Голубой двойкой». Она была лучшей машиной в части. Ее прославил капитан Николай Гастелло. В тихие мирные дни и ночи, зимой и летом, на разных высотах одинаково спокойно водил «Голубую двойку» капитан Гастелло. И тот, кто вместе с ним коротал дни и ночи в облаках, теперь с гордостью говорит:

— Я летал вместе с капитаном Гастелло.

Одним из любимых учеников и близких товарищей Гастелло является капитан Федот Орлов.

Впервые с Гастелло Орлов встретился в Ростове-на-Дону. Жил вместе с ним в одном доме пять

Самолет „Голубая двойка“

лет. Он был командиром корабля, а Федот Никитич вторым пилотом. Всегда задумчивый, мало разговорчивый Николай Гастелло обычно ходил с сыном, любил футбол, часто играл на баяне задушевные, трогательные песни.

Гастелло командовал отрядом, Орлов был командиром корабля. В канун войны пришел приказ. Гастелло переводился на высшую должность. Командиром отряда назначили Федота Никитича.

Гастелло выстроил личный состав и прочитал приказ. Потом вызвал тов. Орлова и сказал:

— Вот мой отряд. Командуйте. Доверяю вам, учите, воспитывайте, работайте.

Федот Никитич дает твердое слово быть всегда впереди во всем.

Гастелло уехал, а его экипаж остался на «Голубой двойке» — боевой машине бессмертного сла-

Экипаж самолета «Голубая двойка», в центре — Герой Советского Союза
Ф. Н. Орлов. С этим экипажем летал легендарный Гастелло.

линского сокола. Только вместо Гастелло управлял стальной птицей его талантливый ученик Федот Орлов.

Молодой командир корабля всем напоминал капитана Гастелло. Прежде чем сесть за штурвал самолета, по примеру своего учителя, Орлов надевал комбинезон и лично проверял моторы до каждого винтика. Капитан Орлов, как и Гастелло, не щадил своего пота для учения.

В ночных тренировочных полетах Орлов усердно отработывал каждый маневр. Искусно вводил он машину в вертикальный вираж, совершал посадку на точность, целыми ночами тренировался в маневре над целью, имитировал вынужденную посадку.

В этих учебных полетах крепили дружба экипажа «Голубой двойки», уважение и теплая привязанность его к командиру.

... В ночь экипажу «Голубой двойки» предстоял боевой вылет. Нужно было разбомбить вражеский аэродром в пункте Р. Днем шла подготовка.

Перед боевым вылетом у всех бывает одна мысль: скорее бы в полет! В назначенный час взвилась сигнальная ракета. Тяжело нагруженный корабль, пробежав по темному, невидимому полю, оторвался от земли. Курс на запад. Первый этап полета проходит в темноте. Под кораблем знакомые места. В этом районе экипажу «Голубой двойки» много раз приходилось совершать тренировочные полеты на больших и малых высотах. Боевой курс кораблю прокладывает молодой

штурман украинец Милостивенко. Ему не сидится на месте. Склонясь над компасом, он проверяет время, скорость, высоту полета. Припав к окну, штурман пристально вглядывается в ночную мглу. Линия фронта часто озаряется огненными вспышками. Это советская артиллерия нащупывает зарывшегося в землю врага.

Блески орудийных выстрелов и яркие вспышки разрывов остаются позади корабля. Снова земля окутана нерушимым мраком ночи. Облачная дымка пропускает желтоватый свет луны.

— До цели остается девять минут — слышит знакомый голос штурмана капитан Орлов.

На земле несколько раз мигнул красноватый свет. Вслед за ним по облакам проскользнули яркие лучи прожекторов, образуя большие светлые пятна. Земля стала озаряться яркими вспышками залпов зенитных батарей. Светящиеся трассы пуль прошли сбоку и впереди корабля. Противнику не удалось обнаружить в облаках «Голубую двойку». Его прожектора стали прощупывать другие сектора неба. Штурман докладывает капитану Орлову, что самолет над целью, можно заходить на бомбежку. В эти минуты Орлов снова заметил, как тонкие столбики лилового света появились впереди. Они покачались, пошарили по облакам и быстро потухли, чтобы снова неожиданно вспыхнуть в другом секторе. Самолет Орлова уже идет на высоте 1.000 метров.

Штурман взволнованно докладывает:

— Федя, молодец! Под нами аэродром!

Федоту Орлову вспомнились лаконичные слова приказа: «Разбомбить вражеский аэродром в пункте Р». С этого аэродрома фашистские самолеты совершают налеты на наши войска и мирные селения.

— Угости фрицев! — во весь голос от яростного волнения крикнул Орлов штурману.

В ответ легко вздрогнул самолет. Это повторилось несколько раз. Вниз стремительно понеслись бомбы. Разрывы фугасок и осколочных бомб освещали кабину. На земле вспыхнули светлоголубые огни. Это горели вражеские самолеты. Капитан Орлов насчитал шесть таких очагов огня. Сбросив затем листовки, «Голубая двойка» легла в обратный курс. Через несколько минут корабль приземлился на родном аэродроме.

На обратном пути Орлов заручился согласием штурмана и стрелков совершить в эту ночь четыре боевых вылета. Командование удовлетворило ходатайство экипажа. Быстро производится подвеска бомб, заправка самолета бензином. Вскоре «Голубая двойка» уходит в новый полет. Задание: ударить по скоплению войск в районе С. Облачность заметно увеличилась. Самолет идет над облаками. Земли не видно. Штурман прокладывает курс по приборам. Неожиданно белая пелена облаков обрывается, корабль оказался под ярким звездным куполом. Настроение у Орлова поднимается. С радости он вызывает штурмана:

— Слушай друг, смотри, какое чудесное небо!

— Вижу, Федя, это нам будет наруку. До цели осталось 5 минут полета, — сообщает штурман командиру корабля.

Блески орудийных выстрелов подсказали экипажу, что самолет над линией фронта. Огонь артиллерии был важным ориентиром.

Командир сделал разворот на 90 градусов и корабль оказался над позициями немцев. Вскоре последовало знакомое вздрагивание самолета. Штурман Милостивенко сбросил бомбы на цель. Раздались один за другим, десятки взрывов. Снова «Голубая двойка» ложится на обратный курс, к родным местам, чтобы пополнить люки очередным «гостинцем», баки — горючим. Спокойно и мощно гудят ее моторы.

Эта — одна из многих суровых военных ночей экипажа «Голубой двойки».

Четыре боевых вылета в одну ночь в стан врага. Уничтожено: 30 немецких самолетов, ангары и другие сооружения аэродрома, а также много живой силы.

6. Капитан Орлов ведет счет мести

После обычного сытного обеда Орлов вместе со своими товарищами вышел на отдых в березовую рощу. Заговорил репродуктор. Передавалось вечернее сообщение Советского Информбюро за 5 июля. Вдруг диктор называет знакомую фамилию.

«...Героический подвиг совершил командир эскадрильи капитан Гастелло. Снаряд вражеской зенитки попал в бензиновый бак его самолета. Бесстрашный командир направил охваченный пламенем самолет на скопление автомашин и бензиновых цистерн противника. Десятки германских машин и цистерн взорвались вместе с самолетом героя».

Орлову как-то не верилось, что в семье советских летчиков нет человека, который совсем недавно держал в руках штурвал «Голубой двойки», который так много отдал энергии, знаний воспитанию молодой крылатой рати. Орлов целыми часами мог интересно рассказывать о гордости родины — Николае Гастелло. В каждом летчике он видел частицы гастелловской доблести, гастелловского характера, гастелловскую походку в воздухе.

— Неужели погиб? — переспрашивал себя Орлов.

В тягостном молчании собрались его боевые друзья и товарищи на митинг.

Вспоминали. Говорили трогательные речи. В глазах многих летчиков, не раз встречавшихся со смертью, стояли светлые крупинки слез.

— Мы будем сражаться так, как сражался Гастелло—единодушно заявляли летчики.

— Образ Гастелло мы будем хранить в наших сердцах, мы помним тебя, капитан Гастелло! — сказал Орлов.

Возвращаясь с трудных полетов, усталый Фе-

дот Никитич доставал далеко запрятанную записную книжку и вносил туда количество самолетов, танков, живой силы противника, уничтоженных экипажем «Голубой двойки». Это был счет мести за гибель любимого человека.

В записной книжке Орлова мы находим следующую запись о своем учителе Николае Гастелло:

«...Подвигом своим он вошел в историю солдатской русской славы, как вошел в нее Нестеров — в первые дни войны. От летчика Гастелло на земле не осталось и пепла. Огнем своей яростной смерти он сжег скопище врагов и сам сгорел, разжигая огонь, которому светить в веках, греметь в торжественных песнях и сиять в детских сказках...

На корабле, куда он перешол с «Голубой двойки», ему не довелось много летать. Но Гастелло продолжает свои полеты, как продолжает делать мертвые петли и ходить на таран знаменитый русский летчик Нестеров. Погиб человек — Николай Гастелло, сын московского рабочего. А летчик Гастелло не погиб. Он стал понятием нашей летной чести, ненависти к врагу, разумного и расчетливого презрения к смерти. Вооруженный его подвигом, экипаж моего корабля старается не сбиться с курса воинской традиции, проложенного в первые же дни войны капитаном Гастелло...

Капитан шел на свой подвиг на самолете, уже подбитом в воздухе. За гибель капитана мы

мстим и будем мстить стократно. Корабли отряда, которым командовал в предвоенные дни капитан, много раз появлялись над аэродромами противника и чинили расправу над врагом. Только в одном Смоленске три наших корабля — капитана Локтионова, капитана Сушина и мой в одну ночь сожгли и разрушили свыше 60 самолетов гитлеровцев. Мы не назвали эту ночь ночью мести за своего легендарного капитана лишь потому, что месть свою неутолимую мы будем продолжать до последнего дня войны, только потому, что таких ночей в нашей летной жизни будет много. К этому зовут нас традиции летчиков. Они — наше боевое могучее оружие, выкованное и отточенное для великих битв».

7. „Его карающая тень проходит по земле“

Враг рвался вперед. На участке, где находилась одна советская стрелковая часть, противник накапливал большие силы у водного рубежа, чтобы массированным ударом сбить наши войска. Надо было сорвать вражескую атаку, разбомбить переправу в пункте Н.

Командир ночного бомбардировочного соединения вызвал лучшего летчика-ночника Орлова.

— Товарищ капитан, нужно сейчас же вылететь к водной переправе немцев и уничтожить ее. Кто из ваших летчиков может безошибочно это выполнить? — спросил командир.

Федот Никитич отлично понимал, что водная переправа относится к целям, которые очень трудно накрыть. Но все же Орлов решил взять это задание на себя.

— Мой экипаж берется выполнить приказ командования, — ответил Орлов.

— Выбор правильный, я тоже так полагал. У вас штурман—мастер бомбометания по узким и точечным целям, — сказал командир и пожал руку капитану.

— Заодно сбросьте бомбы на головы наземных частей противника, — сказал командир, прощая Орлова к выходу.

— Есть сбросить бомбы на головы наземных частей противника, — ответил Орлов.

Аэродром уже был окутан серыми сумерками, когда «Голубая двойка» поднялась в воздух и скрылась в облаках. Несмотря на большие трудности, штурман точно вывел корабль на цель. Как только самолет появился над переправой, десятки огненных снопов устремились к самолету. Кабина сразу озарилась ослепительным блеском. Капитан Орлов прилагал отчаянные усилия, чтобы уклониться в сторону от лучей. Проектора снова отыскивали машину. Самолет находился в кольце разрывов.

— Наблюдать за вражескими истребителями невозможно, — докладывали стрелки.

Волнение сжимало грудь капитана Орлова.

— Хорошую встречу немцы нам приготовили. Тяжело, друг, ничего, крепись, ты летишь на

машине Гастелло. Он никогда не унывал, — крикнул Орлов штурману.

— Все в порядке, товарищ командир, — слышался спокойный голос штурмана в шлемофоне.

Огонь зениток усилился. Самолет дрогнул. Орлов понял, что штурман Милостивенко сбросил немецким зенитчикам подарок из нескольких бомб. Батареи умолкли. «Голубая двойка» совершила три захода на цель, и от переправы не осталось и следа. Потом Орлов нанес сильный удар по скоплению фашистских частей.

Выполнив задание, Орлов повел свою машину к родному аэродрому. Экипаж был в восторге. Все поздравляли друг друга.

И если капитан Орлов
Летит в туманной мгле —

Его карающая тень

Проходит по земле

услышал Федот Никитич — через шлемофон. Это штурман декламировал стихи поэта-фронтовика Михаила Матусовского.

8. Находчивость

У родного аэродрома «Голубую двойку» подстерегала неприятность.

— Замечены вражеские истребители, — докладывали стрелки командиру корабля.

«Значит садить самолет на аэродром нельзя», подумал капитан Орлов. Выждать пока уйдут истребители немцев было нельзя: кончалось го-

Герой Советского Союза капитан Ф. Орлов перед вылетом.

рючее в баках. Орлов решил уйти от аэродрома и произвести посадку в другом месте. Он пошел на снижение, пробиваясь сквозь густую пелену облаков. Высота стремительно сокращалась, облачность оставалась все также непроницаемо густой. На высоте 150 метров пилоту удалось достигнуть границы облачного фронта. Но внизу, попрежнему чернела зияющая пропасть.

Садиться при таких условиях — значит наверняка разбить машину, погубить своих товарищей нелепо погибнуть самому. В сознании летчика боролись противоречивые чувства. От его решения зависело все: и судьба экипажа, и судьба машины.

В эти роковые минуты сознание капитана осветила ободряющая мысль:

— Держись, Орлов! Ты ведешь корабль, которым до тебя командовал Гастелло. Трудно? Не пробиться? Он пробился бы, он обязательно нашел бы выход и из такого положения, — говорил себе капитан Орлов.

Он вспомнил самые тяжелые свои полеты, когда, преодолевая трудности, приходилось прикусывать губы: то на корабле скрещивали свои лучи два десятка немецких прожекторов, то кораблю преграждал путь к цели вал такого плотного зенитного огня, что близкие разрывы снарядов немецких зениток заглушали рев четырех моторов бомбардировщика, когда также задавал себе вопрос — какую бы стремительную находчивость проявил Гастелло, чтобы преодолеть эти

коварные неожиданности? И всякий раз мысль о бесстрашном летчике придавала ему волю, упорство, пилот увереннее держал в руках штурвал и смело шел на цель.

— Приготовиться к прыжку!—скомандовал Орлов. — Приземлившись найдите место для посадки и немедленно выложите световые ограничители. Штурман и стрелки сразу поняли командира. Один за другим они скользнули через люк в ночную мглу и сразу исчезли с глаз капитана. Орлов сделал один за другим несколько кругов, ожидая световые сигналы с земли. Горючего оставалось на несколько минут.

Внизу взметнулись огни. Пламя горящих снопов соломы озарили землю. Самолет резко пошел на снижение. Капитан Орлов видел границы небольшой площадки, годной только для посадки «У—2». Но другого выхода не было. Орлов решил посадить на нее свой тяжелый четырехмоторный корабль. Боевые товарищи с волнением следили за посадкой «Голубой двойки». Самолет коснулся земли у первого горящего снопа и остановился в двух шагах от другого. Дальше зияла впадина глубокого оврага. Сразу моторы заглохли—в бензобаках было пусто.

— Молодец, Федя! — кричали друзья, подбегая к самолету.

Орлов чувствовал свинцовую тяжесть в ногах, усталость сковывала тело. Сознание того, что удалось выполнить задание и избежать катастрофы, наполнило сердце радостью.

— Экипаж «Голубой двойки» готов к новому

полету, — по-дружески доложил капитан Орлов своему штурману.

9. Вынужденная посадка

Лишения и невзгоды, как бы они ни были тяжки, на фронте забываются быстро. Они вытесняются из памяти новыми переживаниями, и человек помнит о них только, как о вычитанных в книге. То, что пришлось пережить и испытать Орлову в предыдущую ночь в связи с вынужденной посадкой, он уже забыл, словно это было давным-давно. Его лицо попрежнему спокойно, руки уверенно держат штурвал машины, чей воздушный путь сегодня снова лежит к вражескому аэродрому.

Капитан Орлов не верит в счастье. Он признает мастерство летного состава, начиная от стрелка, кончая первым пилотом. Покидая и на этот раз свой аэродром, Федот Никитич получил неутешительную сводку о погоде. Метеорологи предсказывали плохую погоду. Командир, поднимая корабль в многочасовой путь, верил только в силу своего экипажа.

«Голубая двойка» пробивала обещанные метеорологами многослойные облака. Они плотно закрывали от штурмана и землю, и звезды. Штурман прокладывал курс по приборам. Температура продолжала падать.

Орлов чувствует, что корабль стал тяжелее, начинает терять управление. Кристаллический слой льда покрывал плоскость, стекла кабины

и лопасти винта. Включается антиобледенитель. Командир спускает самолет ниже облаков, и здесь он попадает под сильные порывы ветра. С лопастей винта летят осколки льда. Теплая струя крови скатилась по щеке.

— Ранен, — подумал Орлов.

В эти тяжелые минуты капитан думал о боевом приказе. Ни неприятное обледенение, ни острая боль, ни сильная болтанка не могли заставить мужественного командира свернуть с боевого курса. Так велика была неумолимая сила ненависти к врагу в горячем сердце доблестного патриота.

Скоро цель. Но она не предвещает облегчения. Ко всем испытаниям прибавятся ослепительные лучи вражеских прожекторов, стена непроницаемого огня зениток.

— Ведь ты, товарищ Орлов, не в учебном полете. Твой корабль находится не под мирным небом. Надо перенести все трудности, — на то и война — подбадривал себя командир.

Несколько раз бросал он свой тяжелый корабль вниз, чтобы избавиться от назойливого обледенения. Неоднократно «Голубая двойка» взбиралась на самый верхний слой облачной ваты, скрываясь от шарящих глаз немецких прожекторов.

Самолет поглощал последние десятки километров.

— До цели осталось 5 минут, — докладывал штурман.

Орлов в ожидании новых указаний штурмана внимательно следил за сигнальной доской. Но неожиданно вспыхнувшие длинные лучи вражеских прожекторов опередили штурмана. В разных секторах скрещивались огненные столбы, и на небе стало тесно от них. Кабина сильно освещена, глаза ослеплены, они ничего не видят. А через несколько минут к лучам прожекторов прибавились светящиеся пунктиры трассирующих пуль, разрывы зенитных снарядов. Казалось, все находится в огне, кругом стоит адский гул. Все изобретения военной мысли были обращены против небольшой точки на небе—«Голубой двойки».

Озарилась багровыми вспышками и земля. Огненное пламя постепенно расширялось, поглощая все новые участки. Экипаж самолета обрушился на объекты немцев бомбы и огонь пулеметов.

Прямым попаданием снаряда был поврежден один мотор самолета, огненная лента трассирующих пуль легла у самого штурвала. После нескольких боевых заходов на цель советский бомбардировщик взял курс на восток. Обратный путь самолета проходил также в тяжелых условиях.

Усталость, последствия чрезмерного физического напряжения сильно давали себя знать. Хотелось спать, то и дело закрывались веки. Чтобы не заснуть, Орлов кусал губы.

Повреждение мотора сказывается на машине. Самолет тянет вниз, в лапы врагу. Пилот на-

прыгает все силы, чтобы перелететь линию фронта.

Вот, наконец, под кораблем знакомые огненные вспышки. Это и есть заветная линия фронта. Машину продолжает тянуть вниз. Орлов решил пойти на посадку. Пролетев от фронта километра восемь, «Голубая двойка» совершила вынужденную посадку в поле.

Немцы, видимо, заметили, как советский бомбардировщик, словно подстрелянная птица, спустился недалеко от боевых позиций.

Около суток экипаж ремонтировал повреждения «Голубой двойки». Ремонт шел под непрерывным огнем немецких артиллеристов. А ночью капитан Орлов вновь поднял в воздух любимую машину и благополучно совершил посадку на своем аэродроме.

10. Дневник немецкого офицера

После очередного ночного вылета экипаж «Голубой двойки» отдыхал. В казарму доставили дневник немецкого офицера, подобранный нашими пехотинцами на поле боя. Дневник спешно был переведен на русский язык.

«...Четырехмоторный бомбардировщик русских сбросил серию бомб на деревню и попал в автомашину, груженную бензином. Загорелись близкорасположенные дома. Мое убежище также охвачено пламенем... Я упал на пол. Русские перешли к последовательным атакам, так как имели прекрасную цель. Этого невозможно было

выдержать. В наступившей краткой паузе отбежал от деревни. Из распакованных ящиков с боеприпасами летели осколки. Все горело...»

— Узнаю, твоя работа,—сказал Орлов штурману.

— Это ваш конек, товарищ командир, — ответил штурман.

После гибели Гастелло, для капитана Орлова стало призванием бомбить механизированные части противника, его склады боеприпасов и горючего. Когда он получал приказ командования, требующий уничтожить склады и колонны танков, Орлов сразу загорался яростью. Перед Орловым вставала картина трагической гибели любимого учителя и друга. В эти минуты в своем воображении Орлов представлял, как подбитый самолет Гастелло врезается в немецкий мотокараван с горючим. Тогда Федот Никитич срывался с места и спешно шел к кораблю.

Взглянув на дневник немецкого офицера, капитан Орлов ярко представил себе эту ночь. Экипаж тогда получил приказ бомбить населенный пункт, в котором, по сведениям разведки, находились склады боеприпасов и бензина. Ночь была лунная. Штурман давал точный курс. Минут за 5—6 до подхода к цели он сбросил осветительную ракету. Когда Орлов пошел на второй заход, он увидел, как внизу бушевало пламя. Бомбы, видимо, попали в бочки с бензином или в склад с боеприпасами. А сегодня вот известны результаты этого налета. Записи немецкого

офицера—лучшая оценка боевых действий экипажа «Голубой двойки»

Налет на населенный пункт—это был ответ капитана Орлова на награждение его орденом Красного Знамени. Член Военного Совета фронта, вручая награду, крепко сжал в своих объятиях пилота, расцеловал его и спросил:

— Что вы хотите сказать товарищ Орлов?

Орлов несколько минут стоял в молчании, сильно растроганный теплыми словами и искренними объятиями генерала. А потом, собравшись с мыслями, сказал:

— Говорить не буду. Уж я лучше сделаю!

В этих словах, идущих от чистого сердца, выявился весь характер капитана Орлова. Он не любит говорить. Любит воевать, словно рожден для воинских подвигов. Даже его боевые товарищи, не уступающие неутомимостью своему командиру, не могут понять, откуда берется столько энергии, сил у капитана Орлова. Ничего не стоит ему совершить за одну ночь четыре боевых вылета, отказаться от отдыха, чтобы устремиться в пятый полет, если прикажет Родина. Неиссякаемая ненависть к врагу—вот что делает неутомимым отважного летчика, горячая любовь к родине придает ему энергию и свежие силы.

Беседа, начатая по поводу дневника немецкого офицера, разгоралась с каждой минутой. Незаметно в нее втягивались словоохотливые мото-

ристы и техники, сдержанные стрелки-радисты, молчаливые штурманы и пилоты.

О дневнике немца уже давным-давно все забыли. Разговор шел о воинском счастье и удаче, которая сопутствует летчику. Приводились всевозможные доводы «за» и «против».

— Капитан Орлов совершил свыше ста боевых вылетов, более сотни раз он побывал под огнем врага и остался цел. Значит, он счастливый, значит, в любом полете ему сопутствует удача. Не было бы у него счастья, так он давно бы погиб,—говорил широколицый моторист.

Посыльный с командного пункта прервал моториста на полуслове.

— Экипаж «Голубой двойки» вызывается на командный пункт,—доложил посыльный и быстро исчез.

...В землянке за длинным столом, у карты, стоял генерал. Он подозвал к себе пилота и показал кружок, обведенный цветным карандашом:

— Знаете-ли Вы (это место?—спросил генерал Орлова.

— Хорошо знаю, товарищ генерал, много раз уже сюда летал,—ответил пилот.

— В этот раз,—продолжал генерал,—задание особо ответственное. Немцы, собрав здесь танки, готовятся контратаковать наши части. Если вы подожжете склады с горючим, танки будут в бездействии и наша пехота пойдет в атаку. Ясно, товарищ Орлов? От вашего умения зависит успех важной операции. Надеюсь на вас.

Командир взглянул в окно; на улице падал снег большими хлопьями; затем посмотрел на своего штурмана, словно хотел получить его согласие, и ответил:

— Сделаем, товарищ генерал.

Ночью «Голубая двойка» была над целью. В назначенное время на немецкие склады с горючим были сброшены фугаски. К небу взметнулись клубы густого черного дыма. Сделав еще два захода на цель, советский бомбардировщик лег на обратный курс.

Утром Орлов был снова у командующего.

— Вы бомбили хорошо, товарищ капитан! Наши части, перейдя в атаку, захватили много танков, стоявших на станции без горючего, — сообщил генерал и горячо поблагодарил экипаж.

— Это за хозяина машины, за Гастелло, — смущенно ответил Орлов.

11. В морозную ночь

Неожиданно ударил сильный мороз. Термометр показывал—45°. Не только в кабине самолета, но и при ходьбе холод давал себя чувствовать. Война неумолима, она не признает силы стихии, не считается с возможностями человека. Капитан Орлов получил приказ—разбомбить аэродром противника в городе Н. С этого аэродрома немецкие бомбардировщики совершают налеты на наши мирные города. Предстоит трудный полет.

Наступил час вылета. Мороз крепчал. Эки-

паж занял свои места. «Голубая двойка» легко взяла старт и легла на боевой курс. Температура резко упала. Вскоре Орлов почувствовал как мороз сковывает тело, немеют руки, ноги не чувствуют педалей. Второй пилот докладывает, что он обморозил правый глаз, щеки и руки. Через два часа полета «Голубая двойка» была над аэродромом противника. Фугасные и зажигательные бомбы точно накрыли цель. Счет вражеских самолетов, уничтоженных Орловым, сегодня увеличился еще на 6 машин. Вернувшись на свой аэродром, Орлов заметил, что у него обморожены лицо, руки и ноги. Пришлось на 5 дней прервать боевые вылеты.

После короткого перерыва Федот Никитич снова садится за штурвал. Партизаны сообщили командованию о том, что в город Н. на рождественские празднества съезжается много вражеских офицеров. Банкет намечается в городском Дворце культуры.

— Немецким офицерам на банкет надо срочно доставить советские «угощения», — сказал командир части, обращаясь к капитану Орлову.

— За нами дело не станет, — ответил капитан.

Ночь своей черной завесой накрыла город. Даже с небольшой высоты трудно было различить контуры зданий. Для летчика-ночника любая темная ночь становится летной. За плечами Орлова свыше ста ночных боевых вылетов. Он ночью чувствует себя, как днем. Вылетая, капитан Орлов думал о приказе Родины. Она тре-

бовала отыскать в ночной мгле среди разбро-
санных построек Дворец культуры и истребить
гитлеровских молодчиков.

Как и всегда, «Голубая двойка» в назначен-
ный час появилась над городом. Орлов хладно-
кровно вывел свой самолет на цель. От разрыва
бомб озарился город. По сообщению партизан,
«в результате бомбежки в эту ночь уничтожено
132 немецких офицера». Так ознаменовался
визит советского летчика Орлова на рождествен-
ский банкет фашистов.

12. Золотая звезда

Густая темь. Льет проливной дождь. И вдруг
сквозь шум ливня раздается мощное гудение
мотора.

— Это Орлов, — гордо говорят летчики.

В дождь и снегопад, в мороз и туман выле-
тает по ночам Федот Никитич в тыл врага, быст-
ро находит цели и сбрасывает на них бомбы
огромной разрушительной силы. Ночная бомбеж-
ка—его любимая специальность.

Слава об отважном мастере ночных полетов
пронеслась по всем фронтам отечественной
войны.

В студеный декабрь 1941 года страна награ-
дила тов. Орлова орденом боевого Красного Зна-
мени. Получая орден, сталинский сокол обещал
до конца своей жизни беспощадно сражаться с
врагами.

И он крепко держит свое слово. Не одну

тонну стали обрушил он на головы немецко-фашистских головорезов. Не один десяток гитлеровских бандитов уничтожил стрелок-радист его боевой машины.

Однажды Федот Никитич возвращался с партийного собрания одного подразделения (он был членом партбюро). Высоко над головою шумели широкие шапки сосен. Хрустели под ногами сухие ветки. Пахло лесной сыростью. Только вышел на поляну — заметили друзья и товарищи. Они бросились к Орлову, подняли на руки и стали качать.

— Герой, герой!

— Ур-ра—кричали летчики.

— Погодите вы!—отмахивался от них Федот Никитич.—Ничего не понимаю...

— Понимать-то нечего. Золотой звездой тебя Калинин наградил. Сейчас по радио передавали...

Орлова горячо поздравляли боевые друзья с получением звания Героя Советского Союза. Это было в день, когда на счету нашего знатного земляка был записан 120 ночной вылет в стан фашистов.

Скоро приехал командующий фронтом.

На поляне у голубого озера собрались прославленные экипажи.

Командующий вручал орден Ленина и медаль «Золотая звезда» четверем Героям Советского Союза.

— Вы—цвет фронта,—сказал он.—Вся страна гордится вами.

— Я—сын советского народа,—ответил Орлов. —Клянусь родине и нашему родному Сталину, что с честью оправдаю эту высокую награду и буду еще злее истреблять ненавистного врага.

Вечером в Доме Красной Армии военного городка состоялся концерт, устроенный труппой московских артистов. Программа была самая разнообразная: скэтчи, пение, пляска.

Одна знаменитая певица, выйдя на сцену, заявила:

— Я исполню русскую народную песню в честь Героя Советского Союза тов. Орлова.

Все зааплодировали. Потом кто-то спросил:

— Здесь Орлов?

Никто не ответил.

— Ну, хорошо, я все равно спою в честь Орлова,—сказала артистка, и зал наполнился прекрасной, задушевной мелодией, в которой жила вечно живая и необоримая родная Русь, шумела матушка Волга, цвели зори.

Когда песня подходила к концу, над зданием, где шел концерт, со страшным ревом пронеслась могучая машина.

По залу прошелестел ветер.

И чей-то звонкий голос прервал песню:

— Вон он гудит, Орлов! Пошел на боевое задание.

Певица посмотрела на потолок, как бы пытаясь увидеть несущегося в стремительном тем-

пе пилота, и после паузы допела последние слова чудесной русской песни.

После этого дня Федот Никитич еще много раз ночным смертоносным вихрем налетал на далекие тылы врага, на станции и мосты, на скопления танков и мотомехколонны.

Восемь лет тов. Орлов летает на тяжелых боевых кораблях и не имеет ни одной аварии, даже мелкой. Свыше 500.000 километров ученик легендарного Гастелло налетал на боевых машинах. Уничтожил на аэродромах 93 вражеских самолета, превратил в прах 60 немецких танков, десятки мотомехколонн и эшелонов, истребил сотни фашистских солдат и офицеров.

Золотая звезда горит на его широкой груди как символ мужества и отваги, бесстрашия и героизма, беспредельной любви к социалистической отчизне.

13. В родной Чувашии

Благородный почин Ферапонта Головатого, отдавшего все свои трудовые сбережения героической Красной Армии, нашел в нашей стране тысячи последователей.

Это замечательное движение захватило и трудящихся орденоносной Чувашии. Михаил Владимирович Дубровин купил своему сыну летчику боевой самолет. Мария Филипповна Ширманова приобрела для родного сына танк. Некоторые колхозники внесли из своих сбережений

по сто тысяч рублей наличными деньгами на укрепление боевой мощи Красной Армии!

У Андрея Михайловича Сарскова на фронте сыновья и зятя. Он мог бы им купить грозную для врагов машину. Но слава сталинского сокола, носящего орлиную фамилию, долетела и до колхоза «Красный луч» Алатырского района.

— Уж если покупать самолет, то чтобы на нем громил врагов наш земляк-герой, — сказал Андрей Михайлович.

К его мнению присоединилась вся семья — жена Анна Петровна и дочурка Нина.

И тогда в Кремль, к товарищу Сталину понеслась кровью сердца написанная телеграмма:

«Следуя благородному почину тамбовских колхозников и колхозника Ферапонта Головатого, — писал Андрей Михайлович Сарсков, — я, 58-летний отец двух сыновей, сражающихся на фронте против гитлеровских разбойников, вношу из личных сбережений на покупку самолета 100.000 рублей и прошу Вас, товарищ Сталин, разрешить вручить его одному из Героев Советского Союза — нашему земляку товарищу Орлову Федоту Никитичу».

С большим волнением ждал патриот-колхозник ответ вождя. Этот ответ пришел в густые зимние сумерки.

«Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Андрей Михайлович, за Вашу заботу о воздушных силах Красной Армии, — писал

товарищ Сталин.—Ваше желание будет исполнено».

Чувство огромной радости и гордости охватило старика-колхозника.

— Вот оно, дело-то какое,—взволнованно сказал Андрей Михайлович,—Сталин меня заметил... Я благодарю нашего любимого вождя за внимание ко мне и обещаю дальше помогать родине и фронту чем только смогу...

...Вернувшись из очередного боевого полета, Федот Никитич наспех развернул «Правду». Быстро пробежал взглядом по заголовкам и вдруг... название родной республики, незнакомый колхозник дарит ему самолет, а немного пониже — сталинское приветствие.

Где найти слова, чтобы выразить то счастье, которое заполнило сердце мужественного летчика в эту минуту!

Перед его живыми карими глазами снова встала Волга, березка у родного дома, залитая солнцем долина, по которой когда-то он гонял стадо. Как никогда прежде, он ощутил глубокую любовь к своей родине, к своему чувашскому народу, взрастившему и воспитавшему его. И Орлова потянуло туда, где прошло босоное детство, где над его вихрастой головой плавно парил коршун, где дорога и памятна каждая тропинка, где помнят и любят его.

Но время было горячее. Красная Армия громила гитлеровские полчища и несла на запад свои прославленные боевые знамена, пропахшие

пороховым дымом. Надо было помочь доблестным советским войнам вести наступление. И как только приходила ночь, огромная стальная птица, управляемая нашим земляком, поднималась ввысь, перелетала вражеский рубеж обороны и сбрасывала бомбы на железнодорожные узлы, на мосты, на скопления танков и автомашин. Оставить фронт в такое время было нельзя.

Волнующее письмо он направил Андрею Михайловичу и, как родному отцу, обещал, не жалея жизни своей, истреблять гитлеровских разбойников на боевом самолете, купленном т. Сарсковым.

А через месяц Герой Советского Союза приехал и сам. Тепло и радушно его встретило родное село Малые Ямаши. Трудно было узнать в этом плотном и коренастом летчике худенького пастушонка Федюка. И только острый прямой нос с горбинкой, широкие скулы и черные кудрявые волосы, откинутые теперь назад, напоминали односельчанам того самого юношу, который уехал на учебу в большой город и редко навещал деревню.

Слезы радости блестят на его глазах, когда с высокого бугора он смотрит на знакомую с детства змеистую речку Вылу, на пойменные луга, покрытые сейчас пушистым снегом, на серебряную березу у его родного дома, нового, просторного, построенного колхозом.

Односельчане забросали земляка десятками вопросов — о войне, о немцах, о боевых под-

вигах земляка. И вот начинается душевная беседа между героем фронта и самоотверженными труженниками тыла.

— Вам за меня краснеть не придется, — говорит он колхозникам. — Я бью немцев. Вот и вы работайте так, чтобы мне не пришлось краснеть за свой колхоз.

Волнующие встречи устраивают знатному сыну Чувашии рабочие и колхозники республики, пионеры, журналисты, писатели, художники.

Федот Никитич спешит в колхоз «Красный луч», к п. Сарскову. Тут происходит незабываемая сцена: прославленный герой-летчик и патриот-колхозник, как родные братья, обнимают и целуют друг друга.

— Почему я—Герой?—сказал тов. Орлов на собрании колхозников этого колхоза. — Потому что я—кровный сын советского народа и все свои силы и способности отдаю борьбе за интересы народа.

— Сто тысяч рублей из своих сбережений я внес на самолет для вас, товарищ Орлов, — ответил Андрей Михайлович. — Заверяю, что буду и дальше, насколько хватит моих сил, помогать фронту.

Прощаясь с республикой, Федот Никитич Орлов написал следующее приветствие трудящимся Чувашской АССР:

«Спасибо всему чувашскому народу за сердечную встречу и теплый прием. Клянусь и впредь до последнего дыха-

ния биться с врагом за нашу любимую родину, за нашего великого Сталина.

Призываю рабочих, колхозников и всех трудящихся республики работать еще самоотверженнее на помощь фронту, на разгром врага».

Трудящиеся Чувашии отвечают своему Герою-земляку стахановским трудом на фабриках и заводах, на транспорте и в колхозах—во имя торжества нашего правого дела, во имя скорейшего уничтожения гитлеризма.

Редактор *Л. В. Закс*

НТ 1081 Подписано к печати 22/VI-43 г. Объем 1,5 п. л.
Заказ № 451. Тираж 2.000 экз.

Отпечатано в типографии № 1 Управл. полиграфической промышленности при СНК Чувашской АССР.
г. Чебоксары

Цена 2 руб.

ЧУВАШСКАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
г. Чебоксары Чувашской АССР